

Вода перестала литься, и до слуха донесся звук отодвигаемой двери. Я вздрогнул и, протянув руку, судорожно сжал в кармане тот самый флакон.

Хотя я зажмурился, когда он подошел к кровати, я все равно почувствовал, как на веки легла тень.

— Юйчэн, ты спишь?

...

Я бы очень хотел заснуть, но уснуть в такой ситуации — это было бы уже слишком.

Я открыл глаза и увидел его лицо, расплывшееся в улыбке прямо передо мной.

Ох, как мужчина может быть настолько белокожим и красивым? Даже зная, что все, что он собирается сделать дальше, заставит меня возненавидеть его, в тот самый миг, когда мой взгляд упал в эти глаза, я все равно дрогнул...

Хотя бы самую малость.

Мякиш с улыбкой смотрел на меня. Он нежно погладил меня по щеке, а затем щелкнул по носу.

— Маленький воробушек, ты весь побелел от страха.

...

Если я сейчас смотрю на тебя с покрасневшим лицом, значит, со мной уже что-то не так.

— Я хочу тебя поцеловать.

Сказал он.

Я не успел даже расширить глаза от удивления, как мои губы были поглощены его ртом. Самый типичный глубокий французский поцелуй — наши языки сплелись в танце. И внезапно мне захотелось обнять его.

Мякиш начал задираť мою футболку, медленно, дюйм за дюймом, поднимая её все выше. На подсознательном уровне я протянул руку и намертво вцепился в края своих штанов. Это был мой последний рубеж обороны!

Поцелуй наконец закончился, и я сделал глубокий вдох.

Наверное, у тех, кто умеет хорошо целоваться, очень большой объем легких...

— Что это?

Мякиш вдруг нахмурился и, потянувшись вниз, вытащил какой-то предмет.

— Увлажняющий лосьон... — Если бы под землей была дыра, я бы первым же делом в нее зарылся.

— Увлажняющий... Откуда ты это взял?

— Нини дала... — прошептал я. — Она сказала, что с ним не будет так больно.

Мякиш вытаращил на меня глаза. Я нервно сглотнул, быстро прокручивая в голове только что произошедшую сцену — он ведь не должен из-за этого злиться, правда?

— Юйчэн... — Мякиш смотрел на меня, а потом выпрямился и расхохотался, совершенно не заботясь о том, как это выглядит. — Ха-ха-ха-ха, как может быть на свете такой милый ребенок, как ты...

Я и сам признаю, что я милый, но зачем же так громко смеяться?

В этот момент образ Мякиша полностью разрушился. Полагаю, мало кому доводилось видеть такого красавца, так беззастенчиво и безудержно хохочущего. Если бы его увидела Нини, она бы точно его не узнала.

Пока он смеялся, я поспешно опустил футболку. В следующий раз нужно надеть что-нибудь облегающее, такое труднее снять.

Мякиш обернулся, его глаза сияли.

— Неужели так страшно?

Я кивнул. Ощущения, когда ты в одежде, и когда одежда снята наполовину — это совершенно разные вещи. Как ни крути, в одежде на душе куда спокойнее.

Мякиш снова рассмеялся, а затем склонился ко мне, соприкоснувшись со мной кончиками носов, и начал слегка тереться о мой нос своим.

— Почему?

Я моргнул.

— Ты в первый раз?

Нини говорила, что раньше Мякиш никогда не был с парнями.

— Да, — ответил он с загадочной улыбкой.

— Я тоже в первый раз. Разве не будет сложно добиться успеха, если оба новичка? — особенно учитывая такую высокую степень сложности... нашего занятия любовью.

— Юйчэн, — в голосе Мякиша звучала густая теплота, — ты мне нравишься.

— Очень нравишься, очень.

Помню, когда я был еще совсем маленьким, по ночам во время дождя мне становилось так страшно, что я не мог заснуть. Тогда мама садилась на край кровати, чтобы побыть со мной, и обычно читала мне сказки — истории о поросенке, о медвежонке, о лисичке, о принцессе и принце, о рыцаре и принцессе, а еще о злом драконе... Огромное множество историй, и я постепенно засыпал под её нежный голос.

В полудреме я чувствовал, как мама осторожно закрывает книгу, легко целует меня в лоб и тихо, очень тихо шепчет:

— Чэнчэн, мама тебя очень любит.

Затем она гасила свет, а папа ждал её у двери. Когда дверь закрывалась, мне казалось, что шум дождя, барабнящего по листьям, уже не такой пугающий.

Как же давно я не слышал маминых сказок?

Я молча смотрел в потолок и тихо слушал размеренное дыхание мужчины рядом. Кто-то говорил, что слишком тихие ночи навевают мысли о далеком прошлом — прямо как сейчас.

— Юйчэн, ты не спишь?

Голос Мякиша мягко прозвучал у самого уха.

Я повернулся на бок, оказавшись лицом к лицу с ним.

— Чжэньцзэ, ты умеешь рассказывать сказки?

Он замер:

— Сказки? Какие сказки?

— Ну, например... сказки братьев Гримм, Андерсена или Гауфа...

Мякиш расширил глаза, недоверчиво глядя на меня. Я хмыкнул. Подумал про себя, что он, скорее всего, даже не знает, кто это такие. На самом деле, читать сказки — это прекрасное занятие, хотя Мякиш наверняка не придает этому значения.

— Спи, давай спать.

Я широко зевнул и отвернулся, повернувшись к нему спиной.

— Юйчэн...

Голос Мякиша звучал так нежно, что я вдруг кое-что вспомнил. Я тут же перевернулся:

— Мякиш... Чжэньцзэ! Насчет той зарплаты, ты перевел её на счет нашего босса?

Рука Мякиша застыла в воздухе, а улыбка на лице стала натянутой.

— ...Что...

— Зарплата. Ты ведь обещал выдать мне аванс за месяц?

Я с нетерпением смотрел на него.

Мякиш наконец опустил руку. Он криво усмехнулся:

— Раз я обещал тебе, то, конечно, сделаю.

Теперь я успокоился и, наконец, смог заснуть.

Я закрыл глаза, придвинулся к тому очень теплому месту и медленно погрузился в сон.

Кстати, я ведь такой привередливый к кроватям. Сменив жесткую и узкую деревянную койку в доме Линь Хайшаня на нынешнюю огромную, мягкую и роскошную кровать, я в итоге проснулся на следующее утро с ощущением ломоты во всем теле, будто меня раздавил слон.

Я застонал, садясь на кровати, и растерянно осмотрел пустую комнату.

Мякиша нет?

Когда он успел встать и уйти?

Я потянулся, разминая плечи, и слез с кровати. Прошлой ночью я спал в футболке и укороченных штанах, поэтому, как только поднялся, обнаружил, что они помялись и сбились в кучу... Пойду приму душ и переоденусь, интересно, что сегодня на завтрак.

Ероша волосы и зевая, я подошел к двери.

Дверь-то я отодвинул, но что это за груда тел ввалилась внутрь...

— Чэнчэн, доброе утро!

Нини улыбалась, как цветок. Она висела на спине у какого-то человека и ласково пожелала мне доброго утра.

— Юйчэн, доброе утро...

Человек под Нини с трудом поднял голову и тоже с улыбкой пожелал мне доброго утра.

Я смотрел на них, долго не понимая, что происходит.

— Чэнчэн, это брат Шаша... нет, сестрица Шаша.

Нини представила мне мужчину, который пытался подняться с ней на спине. На мужчине была футболка с V-образным вырезом и белые обтягивающие джинсы, лицо у него было очень красивое. Кажется, я его где-то видел...

Сестрица Шаша?

Я пристально посмотрел на этого улыбающегося мужчину. Где же я его видел?

— А-а... ты тот, тот самый...

Та самая красавица! Та самая красавица с плоской грудью, в белых мужских трусах, в которых что-то выпирало!

— Привет, я Лоша. Можешь звать меня сестрица Шаша.

Он очень непринужденно поприветствовал меня.

Где кровать? Я хочу упасть в обморок.

Лоша занес Нини внутрь и бросил на кровать. Он очень бережно поправил причёску и прочистил горло.

— Юйчэн, вы уже это сделали?

Я еще не успел ничего сказать, как Нини взвизгнула:

— Сестрица Шаша, как ты можешь так спрашивать у Чэнчэна? Смотри, он уже покраснел!

Я покраснел?

— А как еще спрашивать? Разве не лучше сразу перейти к делу?

— Ты должна была сказать... Чэнчэн... — Нини повернулась ко мне, её глаза светились возбуждением. — Чэнчэн, у тебя сзади не болит?

...

Если бы она не была травмированной, я бы точно хорошенько её отлупил!

— Нини, ты, наглая девчонка, кто тебя этому научил? Хун Тао, да? Этот мертвец за моей спиной опять сколько...

— Чэнчэн, ты воспользовался тем, что я дала тебе вчера? — Нини не обратила внимания на Лоша и продолжала допытываться. — Если воспользовался, то было не так больно?

— Что? Что ты дала Юйчэну?

— Лосьон.

— Сказала бы сразу, у меня их целая куча.

— Я знаю, но вчера все было так внезапно, да еще я ногу подвернула, как я могла прийти к тебе и спросить?

...

Они вели себя так, будто меня вообще не существует... Я сделал глубокий вдох, а затем заорал во весь голос:

— СТОП! Мы не делали этого! Не делали!

Оба ошеломленно уставились на меня. Я с облегчением выдохнул.

Нини вдруг прыснула со смеху.

— Чэнчэн, чего ты стесняешься? Смотрю, ты все время придерживаешь поясницу, прямо как Шаша тогда.

— Заткнись, малявка, когда это ты видела меня в таком виде?

— Не хочешь признаваться? погоди, спрошу у брата...

Я понял, что с женщиной и мужчиной, похожим на женщину, конструктивного диалога не получится, поэтому сдался и повернулся, собираясь уйти в душ. К тому же, судя по тому, как освоились здесь эти двое, им не нужно, чтобы я их развлекал.

— Чэнчэн, ты куда?

— Домой!

Если я останусь здесь подольше, они меня точно доведут до белого каления. Нини и Лоша, вероятно, были ошеломлены моим криком и тупо смотрели на меня. Я задрал голову и широким шагом вышел из спальни.

Уже закрывая дверь, я услышал, как Лоша спросил Нини:

— Он правда личный помощник, которого нанял Чжэньцзэ?

Я слегка замедлил шаг, наострив уши.

— Ага, Чжэньцзэ сам сказал.

— Странно, Чжэньцзэ никогда раньше не говорил об этом... К тому же этот парень еще и...

— Какой?

— Да нет, ничего. Нини, ты раньше его видела?

— Видела, я даже получила от него пощечину.

Долгое время от Лоша не было ни звука. Я уже начал терять терпение, как вдруг услышал его голос:

— Шаша, чего ты рот открыла? Я тебя не обманываю.

Снова тишина, а потом Лоша громко воскликнул:

— Именно потому, что ты не обманываешь, я и в шоке... Этот маленький воробушек ударил тебя? Он ударил тебя... Солнце точно встало на юге.

— ...Но в тот день я поступила неправильно, Чжэньцзэ потом тоже меня отчитал. Шаша, я тебе скажу, Чэнчэн правда крутой...

Дальше я слушать не хотел, поэтому медленно обернулся, но прямо передо мной стоял мужчина. Я вытаращил глаза:

— Сян...

Он тут же протянул руку и закрыл мне рот, затем приставил указательный палец к губам, одарив меня обворожительной улыбкой.

— Тсс. Хочешь, чтобы они узнали, что ты подслушиваешь здесь?

— Ммм-ммм...

Я пытался сказать, чтобы он меня отпустил.

Мужчина-подсолнух приподнял бровь:

— Обещай, что не будешь кричать, когда я уберу руку.

Я яростно закивал.

Он отпустил меня. Я тут же с облегчением выдохнул и понизил голос:

— Черт возьми, ты меня задушить хочешь?

Он тоже понизил голос и рассмеялся, причем так... распутно.

— Маленький воробушек, это словечко Чжэньцзэ лучше не слышать, а не то он... тогда тебе придется провести неделю в постели.

— Не зови меня воробушком!

Мне не нравится, когда эти слова звучат из его уст, не нравится!

Я решил, что ненавижу его.

Ненавижу этого человека с лицом подсолнуха.

— Маленький воробушек, куда собрался?

Подсолнух был, как паразит из романов: как ни гони — не отстанет. Я вернулся в свою спальню, а он, как ни в чем не бывало, увязался следом.

— Это комната, которую приготовил Чжэньцзэ? — Он поворачивал глазами и присвистнул. — Неудивительно, что позавчера он все допытывался у меня, какие цвета или предметы интерьера обычно нравятся парням.

Я передумал выставлять его за дверь:

— Это все он подготовил?

— Конечно, в этом вопросе он обязан следовать моим советам. Я эксперт. — Лицо Подсолнуха сияло гордостью.

Я нахмурился, глядя на него.

— Что такое? Не веришь?

— Ты же брат Нини!

Я наконец вспомнил.

— Господи... почему Чжэньцзэ не рассказал мне о тебе?

— Нет. — С чего бы ему говорить мне о тебе?

— Этот парень... неужели в этот раз все серьезно... — Подсолнух прошелся вокруг меня. — Хотя его вкус весьма странный. В прошлый раз у Шаша был такой милый паренек, а он даже глазом не моргнул, почему же он на тебя, этого маленького...

Я тут же мрачно посмотрел на него.

— Э-э... этот мальчишка проявил инициативу?

— Во-первых, — я щелкнул пальцами перед его носом, — я не мальчишка, мне двадцать четыре, я мужчина. Во-вторых, Мякиш не проявлял инициативу, то есть проявлял... но не вышло.

Подсолнух ошарашенно смотрел на меня, и я решил встретиться с ним взглядом, не веря, что проиграю.

Через некоторое время он расхохотался.

— О боже, Мякиш... Мякиш действительно нашел сокровище.

Сокровище? Это он обо мне? У меня мурашки побежали по коже.

— Воро... Юйчэн, верно? Как насчет того, чтобы рассмотреть вариант со мной? — Улыбка Подсолнуха была, безусловно, соблазнительной, но мне он не нравился. — Все, что может дать тебе Чжэньцзэ, могу дать и я, а чего не может он — я тоже дам... Конечно, луну с неба я достать не смогу.

Я подумал и изо всех сил постарался изобразить самую обворожительную улыбку:

— Тогда я хочу звезду, сможешь достать её для меня?

Очевидно, Подсолнух пока не имел доступа к космическим полетам, а значит, не мог достать

мне звезду... И я с торжеством наблюдал, как лицо Подсолнуха медленно зеленеет, а потом чернеет.

Ха-ха, подсолнух завял.

— Ты, вредный маленький воробушек. — Он скрипнул зубами, но в глазах светилось веселое огонек. — Думаю, я начинаю немного понимать, почему Чжэньцзэ... так дорожит тобой.

Мякиш правда дорожит мной?

Я наклонил голову, размышляя, и не заметил, как Подсолнух тайком подобрался ближе. Когда я снова поднял голову, его и след простыл. Я огляделся по сторонам, как вдруг услышал за спиной громкий крик: «Перемещение теней!»

А следом пара рук внезапно обняла меня, и тут же у двери раздался грозный рык:

— Чжоу Хун Тао, убери свои волчьи лапы!

Я закрыл глаза, а затем снова открыл. В комнату в ярости ворвался человек — это был Лоша. Я замер, не ожидал, что мужчина может быть таким красивым, когда злится...

У двери стоял еще один человек. Он холодно смотрел на Подсолнуха, с таким выражением... жажды убийства.

Мне в голову почему-то пришло именно это слово.

Мужчина за моей спиной тут же отстранился. Я обернулся и увидел, что он поднял руки вверх с улыбкой на лице:

— Я ничего не делал.

Лоша усмехнулся:

— Если бы мы с Чжэньцзэ не пришли, ты бы точно все сделал.

Как такое возможно! Я хотел возразить, но стоило мне встретиться взглядом с женщиной, стоящим в дверях, как я проглотил слова. Впервые я видел Мякиша таким злым... Это было по-настоящему страшно.

— Клевета... Как говорится, на жену друга не засматривайся, как я мог...

Подсолнух быстрыми шагами направился к Лоша, и, проходя мимо меня, резко ущипнул за ягодицу. Я подпрыгнул и ошарашенно смотрел, как он уходит, смеясь — как вообще могут существовать такие мужчины?

Я никак не мог взять в толк.

Я думал, что среди всех мужчин, которых я встречал, самый... озабоченный — это Мякиш, но оказалось, что бывают еще более озабоченные.

— Шаша, ты знаешь, мне больше всего нравится видеть тебя в гневе... Ты такая очаровательная, когда злишься, никто с тобой не сравнится.

От признаний Подсолнуха у меня волосы встали дыбом.

— Чжоу Хун Тао, хочешь размножаться — вали домой, нечего делать это в моем доме. И предупреждаю тебя, если еще раз посмеешь тронуть Юйчэна, я тебе устрою веселую жизнь.

Мякиш вышел из себя.

Я вспомнил тот раз, когда видел его у Лоша, у него было такое же страшное лицо.

— Да-да-да, раз господин Сяо сердится, всем приходится уступать. — Подсолнух весело рассмеялся, обнимая Лоша, совершенно не обращая внимания на то, что тот изо всех сил топчется по его начищенным туфлям. — Но, Чжэньцэ, не говори, что я тебя не предупреждал. Твой маленький воробушек... хм, довольно непредсказуем. Если не будешь за ним присматривать, то в будущем захлебнешься в собственной ревности!

...

Я не понял, о чем он.

Подсолнух почти в обнимку вывел Лоша из комнаты, продолжая громко и вызывающе смеяться. Но как только они вышли за порог, Лоша пнул его в голень. Подсолнух вскрикнул, схватившись за ногу, а Лоша воспользовался моментом, вырвался из его объятий и обернулся. Он сверкнул белоснежными зубами, улыбаясь так ярко, как солнце:

— Юйчэн, будет время, поболтаем как-нибудь!

— Шаша, ты не можешь убивать своего благоверного, а тем более бросать меня...

Подсолнух, прихрамывая, погнался за Лоша, который легко и изящно убежал прочь. А я так и

стоял, глядя вслед Лоша... Он действительно красивый мужчина. Я думал, что мужчина, переодетый женщиной, вызывает лишь отторжение, но Лоша другой. Даже если бы он попросил меня поцеловать его, думаю, я был бы не против.

— Перестань пялиться, у тебя уже слюни текут.

Голос Мякиша холодно прозвучал у меня за спиной.

Я сглотнул... И правда, если бы он не прервал мой взгляд, я бы, возможно, действительно пустил слюни.

Приняв душ, я послушно спустился вниз позавтракать — рисовая каша и хрустящие лепешки с редькой.

Помню, мама тоже любила готовить лепешки с редькой. Если их приготовить неумело, они кажутся слишком жирными, но когда их готовила мама, об этом можно было не беспокоиться... Повар в доме Мякиша тоже был мастером, лепешки получались мягкими, нежными и совсем не жирными. Но...

Я скучал по маминым лепешкам.

Я скучал по маме.

...

Когда я только начал работать в доме Линь Хайшаня, по ночам мне часто снились папа и мама. Я не мог рассказать об этом Линь Хайшаню и уж тем более коллегам, поэтому часто часами сидел, погружившись в свои мысли. Позже, позже многое стало постепенно забываться, в том числе и все, что было связано с папой и мамой... Я не знаю, хорошо это или плохо.

— Юйчэн, что с тобой?

Я растерянно поднял голову и увидел, что Мякиш смотрит на меня с беспокойством.

— Я? Со мной все в порядке.

Он мягко улыбнулся:

— И ты говоришь, что все в порядке? Посмотри на себя...

Я опустил глаза и обнаружил, что лепешка с редькой на тарелке превратилась в месиво от

вилки...

— Сегодня оставайся дома отдыхать. Я не вернусь к обеду, поешь один, хорошо?

Мякиш такой нежный, я начинаю постепенно привыкать к этому.

— А Нини?

— Её забрал брат. Что, начала нравиться?

В голосе Мякиша проскользнула нотка насмешки.

Я моргнул, глядя на него, и вдруг заметил, что Мякиш покраснел... Вилка продолжала терзать лепешку, а я застыл на месте.

<http://bllate.org/book/21136/2144034>